

— Юрий Васильевич, читатели «Правды» подметили, что многие российские писатели в последние полтора-два года будто воды в рот набрали. Мало новых серьезных книг, нет и ярких литературных произведений на страницах периодики. Некоторые литераторы, правда, активно выступают как публицисты, но большинство молчат. Чем же объяснить такой «обет молчания»?

— Ответ на этот вопрос не лежит на поверхности, его надо искать в глубине глубин. Посмотрите на последние 40 лет новейшей российской истории: запуганные и запутанные 50-е годы, бурные 60-е, конформистские 70-е, предательские 80-е... Одно из главных направлений «перестроенной идеи» — жестокая до беспощадности диверсия против нашей великой культуры. Этот сценарий, его дьявольский метод разрабатывался в течение многих лет далеко за океаном. Сейчас же мы вступили в напряженно-трагический период, который должен найти разрешение: в халосе утеряна надежда, люди живут без ожидания блага от завтрашнего дня. А ведь искусство всегда связано с надеждой, более того — только в состоянии спокойной мудрости художник способен воссоздать мир, помочь читателю изучить науку самопознания: «Как хорошо жить и как хорошо умереть». Нельзя требовать, чтобы писатель объяснил причину извержения вулкана, находясь в эпицентре этого извержения. Все великое создавалось в тишине — или до, или после катастрофы.

Вы правы, сейчас почти нет той прозы, которая дерзко и смело сняла бы поверхностный слой с нашей жизни, открыла бы божественный огонь искусства. Если Бог через ангелов управляет отдельными лицами и народами, то не изменили ли небесам ангелы, правящие Россией, ее культурой? В литературе, театре, кинематографе процветают безвкусица, порнография, жестокость, насилие, провокационные соблазны, клевета на нашу историю, на русского человека, растление сознания, и всюду сверкают зеркальные витрины западноамериканской пошлости.

Серьезную словесность заменили телевидение и вульгарная журналистика. Нет, телевидение — не только жевательная резинка для глаз, это самый сильный наркотик обмана, который превращает людей в дебилов, в покорных животных. Когда с экрана произносится слово «свобода», его следует понимать как «несвобода». Когда говорят о «равенстве», мы уже знаем, что это ширма, за которой — разгул невиданных до сих пор привилегий. Когда произносятся лозунги о демократии, сразу из-под знамен выглядывает физиономия партократии. Когда звучит фраза «новости культуры», мгновенно на экране вырастают уродства антикультуры.

Таковы и наши газетно-журнальные издания псевдодемократической идеологии. Я не верю, что сама собой прекратится в печати и с экрана открытая и подспудная травля деятелей русской культуры — запрограммированная травля, дошедшая, впрочем, до абсурда. Следовало бы устраивать народные выставки показательной глупости в Манеже. Пока мы не сроем эту телевизионную цитадель «Содома и Гоморры», останемся на низжайшем уровне культуры, и тогда горе нам, ибо бездуховность и бескультурье — первые условия рабства.

— Как мастер военной прозы, что вы ответите на вопрос: почему один за другим возникают вооруженные конфликты на территории бывшего СССР?

— Хорошо известно, что государство и народ должны быть едины, а этого единства нет. Значит, нет и единого крепкого государства, нет единой идеи, цели, поэтому конфликты будут бесконечны. Ведь подлинное правовое государство — это прежде всего законопослушание.

Культура объединяет и нации, и целые народы. Однако культура — вещь хрупкая, и точно рассчитанные удары по ней оказались беспощадно сокрушительными, разведившими не только художественную интеллигенцию. Чтобы не быть голословным, приведу такие данные: Горбачев, следуя традиции «остаточного принципа», в начале злуполучной «перестройки» выделил на культуру 3 процента от валового национального продукта. В кон-

це своего правления — лишь один процент. А правительство Гайдара прямо заявило, что средств на развитие культуры у него вообще нет!

— Так о чем же, на ваш взгляд, молчат писатели сегодня?

— О невиданном предательстве своей истории, своей биографии, своего опыта. О позоре униженной нищенством нации. Об измене народным святыням и национальным героям, павшим и живым. Они молчат о целенаправленном разрушении не только естественных человеческих идеалов и красоты, а всех моральных, созданных поколениями нравственных устоев. О тотальном преднамеренном растлении молодежи, и самое опасное — детей. О том, что страна становится или уже стала заложником чужестранных капиталов, а ее национальные бо-

вали молодежь. Везде — ритмы рока. Плохо это или хорошо? Надеюсь, что эта мода пройдет. Еще десять лет назад мы слышали мелодичную песню. Попробуйте припомнить ритмы рока. Надо быть кибернетической машиной, чтобы суметь повторить рок-музыку. Что касается музыки серьезной, то, когда мне внушают с экрана телевизора, что сегодняшней успех ее достиг высот гения Достоевского, я испытываю крайнее недоумение.

— Удар по советской культуре и литературе, нанесенный правительством, наверное, не имеет аналогов в российской истории. Что вы как руководитель Союза писателей России можете сказать о нынешнем положении литераторов, издателей?

— Большинство писателей, особенно профессионалы, живущие

— Юрий Васильевич, должен сказать, молчат не все. Борис Олейник написал книгу об «архитекторе перестройки», Владимир Солоухин — антилининскую книгу...

— Да, и такие публицистические разнополосные книги неизбежны если произойдет тектонический разлом общества. Хуже всего — равнодушие, ибо оно, равнодушие, — это душевная подлость.

Если вспомнить об оппонентах Олейника, то их поступки диктуются вовсе не политическими убеждениями, а политиканством точнее — элементарной выгодой. Кому-то очень выгодно сваливать сегодняшние беды на все 70 лет Советской власти, на одних только коммунистов. Какие же тут убеждения? Перевертыши, лжецы и приспособленцы прекрасно знают, что они-то сейчас — в безопасности... Какие там убеждения, если за перепечатку статейки определенного сорта из нашей периодики автору платят в США по 10—15 тысяч долларов, то есть просто подкупают журналистику панельного поведения.

Нынешний период развития российской литературы трагичен и грустен... Вымирают целые виды и художественные жанры: вроде бы никому не нужны стали в издательствах поэзия, литературоведение, критика. Впрочем, prostitированных критиков, конечно, хватает, и они до багровости тужатся, испуская боргаримбы, свергнувшись с пьедесталов Горького, Есенина, Алексея Толстого, Маяковского, Шолохова, а на их место поставить картонные авторитеты, на скорую руку определяя им места сразу рядом с Пушкиным.

В Уставе Союза писателей России записано, что мы — «деполитизированный союз». На самом деле нет и не может быть ни одного писателя, стоящего вне политики. Достоевский, Лев Толстой, Гоголь, Лесков, Тургенев, Шолохов, Леонов — да это же самые политизированные художники! Да, у каждого своя гражданская позиция. И даже молчание современного писателя сурово, если хотите, оно политически окрашено. Власть пружинит наглухо отделены от отечественной культуры, власть имущие сами обрекли себя на изоляцию тем глобальным заговором, который создан вокруг российской и русской культуры. Для меня непреложна старая истина: если правители пренебрегают культурой — то есть наукой, искусством, литературой, — государство обречено на гибель.

— Как же вы выходите из создавшегося тупикового положения? С чем вы связываете надежды?

— Иной раз вспоминаю застойные годы, семинары молодых поэтов, прозаиков — хоть и формализованная, но была все же забота о молодежи. С ужасом думаю: не останется ли Россия в третьем тысячелетии без новых Бунина, Шолохова, Твардовского, Булгакова?

Так или иначе в условиях общего экономического провала Союза писателей России постарается сделать все, чтобы поправить дело в работе с молодыми и, конечно же, поддержать профессиональных литераторов. Мы пытаемся встать на ноги, выжить в условиях дикого рынка, пресловутой «коммерциализации», когда, к примеру, одна лишь плата за аренду здания на Комсомольском проспекте, где размещается наше правление, перевалила за десяток миллионов в год. Немалыми усилиями мы, наконец, учредили писательское акционерное общество совместно с банком — «ПАО», создали свое издательство, закупили бумагу. Мы хотим дать возможность писателям заниматься своим главным делом, делом своей жизни — писать и издаваться.

Должен сказать, что никакая наша собственность, никакие дома творчества, никакие «издательские стены», ни «даже тот же самый особняк на Комсомольском» (как пишут недруги «ПАО») не заложены под кредиты в банк, и мы по-прежнему остаемся собственниками того, чем владели.

Я уверен: мы преодолеем мрачную и темную полосу современной действительности и праведной дорогой выйдем к свету.

Молчание — сколь бы долго оно ни длилось — означает глубинную подспудную работу мысли и души. И эта работа увенчается удачей нашей!

О чем молчат писатели

Беседа с председателем правления Союза писателей России Юрием Бондаревым

татства, недра, таланты скупаются по дешевке, как на распродаже.

Нам внушают: мол, мы проиграли «холодную войну». Но ведь в восьмидесяти годах «холодной войны» не было. Нет, произошла великая измена — нас сдали в плен без боя.

Вспомним, каких высот достигла советская литература в 60-е и 70-е годы. Имена наших писателей, в том числе молодых, блистали во всем мире, ни один международный форум или семинар не обходился без нашего участия. У наших писателей учились советливости. Теперь же без боя сданы некогда завоеванные высоты культуры, всюду властвуют господин доллар, расчет, стяжательство, продажность. Это состояние невольно хочется сравнить с падением Древнего Рима, античной цивилизации. Что касается современных «цивилизованных» варваров, то для того, чтобы сделать Россию послушной рабой, самые коварные удары наносят в первую очередь по ее интеллектуальному потенциалу — ученым, художественной интеллигенции...

— Обычно, когда шла речь об искусстве и литературе, мы употребляли понятие «красота». В последнее время оно звучит лишь в цитатах...

— Мы вправе говорить о красоте и сегодня. Я думаю, красота — это не молчаливое преимущество, не долговечное царство, не особый дар, а может быть, красота в искусстве — следование характеру, следование природе, и согласие с природой и правдой — в сущности это согласие с самим собой.

В последнее время и любовь как бы забыта в литературе. Самое высокое человеческое чувство, с которым несравнимо ничто на земле. Любовь творит жизнь, красоту, мир, добро, книги, бессмертные картины. Исчезли это чувство — и прекратился бы род человеческий, а оставшиеся доживать свой век закончили бы последние свои дни в войнах.

— А что вы скажете о современной музыке?

— Рок-ансамбли почти завое-

на так называемых «вольных хлебах», оказались, как и большинство населения, за чертой бедности. Я знаю писателей, которым угрожает самый настоящий физический голод. Их книг никто не ждет — ни издатели, ни наш некогда внимательный и благодарный читатель, тоже лишившийся маломальского достатка и вынужденный выбирать: либо хлеба детям купить, либо — книгу. Трудно говорить об этом, но сейчас утрачен импульс к творчеству у многих литераторов. Любая книга — это не только «реальность жизни», но и «самовыражение». А чтобы выразить себя, нужно сначала хотя бы очнуться от полусмертельных ударов, названных которым — удушение культуры: разломано прошлое, рушится настоящее...

Иные сытые («интеллектуалы») говорят с небрежной безразличностью: писатель и должен быть полуголодным, мол, гениальный Бальзак не написал бы многих своих романов, если бы его не преследовали кредиторы. Это, разумеется, не так. Бальзак не писал «коммерческих» романов. Он был поднебесного дарования художник, и правила им не сила чистогана, а искра божья. Нам говорят: «рынок». Но рынок — не идея, не идеал, не спасение человечества, а лишь временное средство в определенных условиях. Нынешние реформаторы так и не смогли по причине злой мстительности социализму сформулировать главное: свою собственную экономическую идею, ради иллюзорной эфемерности которой столько развалено, разбито, уничтожено, однако же, увы, ничего конструктивного не создано.

Литература и рынок несовместимы, как «гений и злодейство». Литература — синоним совести. А это передает ближнему вести о правде. Это значит, что совесть обладает качеством с серьезными намерениями. Моему долгострадальному народу дана самой историей надмировая совесть и противопоставлена мелкая бессовестность националистической исключительности, провокационных скандалов, геноцида и крови.